

«Урод», «бездельник», «дармоед», «полукровка», «отброс». Правую активистку Дину Гарину судят за «возбуждение ненависти» к сотрудникам Центра «Э».

Как водитель троллейбуса из Петербурга за один год успела провести четыре месяца в СИЗО и получить условный срок по «экстремистской» статье 282 УК, неосторожно выступить на митинге за ее отмену и еще раз оказаться под следствием по той же самой статье.

«Смотри, завтра сама на 282 не наговори))))», — такое сообщение «ВКонтакте» получила 14 марта 2015 года 30-летняя петербургская правая активистка Дина Гарина. Шутливое предостережение девушке прислал Степан Иванов, организатор митинга «Против политических репрессий» на Марсовом поле. Именно из-за своего выступления на этой акции Гарина через год станет фигурантом очередного дела по статье 282 УК (возбуждение ненависти либо вражды).

За отмену 282-й статьи

15 марта 2015 года мероприятие на Марсовом поле собрало несколько десятков человек с флагами объединения «Русский национальный фронт», Новороссии, движения «Великая Россия», имперскими стягами и другой символикой российских правых.

«У нас сегодня митинг в рамках всероссийской акции против политических репрессий, за отмену 282-й статьи и за разгон Центра "Э" по противодействию экстремизму... Господи, не выговорить», — начал Иванов, стоя на фоне баннера «Свободу русскому народу». Затем ведущий передал слово «русскому активисту, человеку, который знаком с 282-й статьей очень хорошо — Николаю Николаевичу Бондарнику».

Однажды уже [осужденный](#) по статье 282 бывший член Координационного совета оппозиции Бондарик в настоящее время [проходит](#) еще как минимум по двум «экстремистским» делам. В своей десятиминутной речи он вспомнил несколько историй об оперативниках Центра «Э», рассказал о пытках и сделал вывод, что «этот режим входит в фазу распада». После Бондарика слово брали другие правые активисты; четвертым оратором стала экс-глава петербургского отделения запрещенного движения «Русские», координатор «Русских маршей» и водитель троллейбуса 35-го маршрута Дина Гарина.

Сперва она говорила о резонансных убийствах, в которых подозревали уроженцев Северного Кавказа, затем — сменила тему. «Что я хочу сказать про отдел Центр "Э"? Это, конечно, те еще ***** [глупые, бестолковые люди, ничтожества]», — продолжила девушка под аплодисменты собравшихся.

Гарина посетовала на обилие «стучачей» в правом движении и снова упомянула оперативников Центра «Э», среди которых, по ее убеждению, преобладают «в основном полукровки, смешанные». Поэтому «эшники», говорила она, и «ненавидят русских изначально, генетически». Сотрудники других управлений МВД борцов с экстремизмом недолюбливают, поделилась активистка своим наблюдением и посоветовала единомышленникам не бояться их.

После этого Гарина заговорила об уголовном [преследовании](#) организатора «Русских пробежек» Максима Калиниченко, репрессиях в отношении других инакомыслящих и призвала «не проспать революцию». Впоследствии правоохранные органы заинтересуются только той частью ее выступления, которая касалась Центра «Э». Следом за Гариной на митинге выступили еще несколько человек; вся акция продлилась около 40 минут.

Дело с шестой попытки

Вечером 15 марта Николай Бондарик сделал «ВКонтакте» репост 14-минутного видео с митинга. Съемка запечатлела троих ораторов, в том числе и Гарину; в ролик вошел фрагмент ее речи, посвященный Центру «Э». Уже на следующий день оперуполномоченный 7-го отдела ЦПЭ ГУ МВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области майор Сродникова составила акт осмотра видеозаписи, после чего Следственный комитет начал доследственную проверку.

К началу апреля 2015-го была готова первая экспертиза, авторы которой указывали, что оперативники Центра «Э» представляют собой социальную группу, а во всех трех исследованных выступлениях с митинга содержалась «целевая установка на пропаганду ненавистного или враждебного действия» по отношению к сотрудникам этого полицейского управления.

Однако до возбуждения уголовного дела, в котором Гариной предстоит стать единственной подозреваемой, оставался еще год. За это время в материалах появились две более подробные экспертизы, которые также нашли в выступлении девушки признаки возбуждения ненависти — причем не только к сотрудникам ЦПЭ, но и к «нерусским».

Дело возбудили только 29 марта 2016 года, причем с шестого раза: СК вынес пять постановлений об отказе. В декабре 2015-го, назначая очередную экспертизу, следователь следственного отдела по Центральному району ГСУ СК по Санкт-Петербургу старший лейтенант юстиции Копрова пояснила — специалисты определяют сотрудников Центра «Э» как социальную группу, хотя в деле активиста арт-группы «Война» Олега Воротникова было заключение экспертов, содержащее противоположный вывод: «Сотрудники милиции в целом не являются социальной группой — ни большой, ни реальной, ни номинальной».

Следователь Копрова ссылалась на экспертизу из дела, возбужденного по части 2 статьи 213 УК (хулиганство, совершенное группой лиц по предварительному сговору) после акции «Дворцовый переворот» — 16 сентября 2010 года активисты арт-группы «Война» [перевернули](#) в Санкт-Петербурге милицейский автомобиль. По замыслу художников, машину опрокидывали, чтобы достать закатившийся под нее мячик ребенка.

Постановления СК об отказе в возбуждении уголовного дела, за исключением самого первого, идентичны — даже лишний мягкий знак в слове «содержатся» повторялся во всех документах с июня 2015-го по январь 2016 года.

«Вначале эксперты практически полностью переписывали фабулу статьи, как она есть. Тут и возбуждение ненависти либо вражды по признаку происхождения, и в отношении социальной группы, и унижение достоинства группы лиц нерусской национальности. И только в последней экспертизе определились, что выступление Гариной унизило достоинство человека по признаку принадлежности к социальной группе и достоинство человека по национальному признаку», — объясняет адвокат активистки Виталий Черкасов.

Последний отказ в возбуждении дела датирован 21 января 2016 года. Его отменили почти через два месяца, 15 марта того же года.

«Это было, в общем-то, весело, а теперь невесело»

Пока Следственный комитет вел проверку ее выступления на митинге, Дина Гарина успела стать фигурантом другого дела, побывать в СИЗО, выслушать приговор и выйти на свободу — девушку арестовали в ноябре 2015-го, а через четыре месяца [дали](#) полтора года условно и отпустили.

Поводом стала появившаяся «ВКонтакте» Гариной летом 2015 года публикация под заголовком «Очередное убийство русского человека в Санкт-Петербурге»; речь шла о широко обсуждавшейся в правой среде драке с участием дагестанцев, в которой якобы погиб петербуржец Илья Кудряшов. Пост заканчивался словами «нужен сход». Гарину признали виновной по части 2 статьи 280 (призывы к совершению экстремистской деятельности, совершенные через интернет) и по части 1 статьи 282 (возбуждение ненависти либо вражды). Кировский районный суд вынес ей приговор 3 марта, а уже через 12 дней была готова новая экспертиза по выступлению на Марсовом поле. Еще через две недели Следственный комитет возбудил в отношении активистки второе дело по статье 282.

До прошлого года Гарину к уголовной ответственности не привлекали; один раз она подвергалась административному аресту на двое суток и неоднократно — получала штрафы за митинги, пикеты и [«русские зачистки»](#).

«По административным делам всегда брали на ночь. В 2012 году, когда не было такого, чтобы сажали за слово, просто 60-70 человек оставляли в актовом зале. Ждали всю ночь, может, даже сутки. Это было постоянно, это было, в общем-то, весело, а теперь это невесело», — вспоминает она.

«Если я кого-то оскорбила — вызывайте меня в гражданский суд»

20 апреля следователи пришли обыскивать дом Гариной, затем ее повезли на допрос в качестве подозреваемой. «Я не высказывала ничего, чтобы возбудить ненависть к какой-либо социальной группе — ни к Центру "Э", ни к кому-либо еще. То есть я не согласна с вашим мнением... с вашим уголовным делом», — приводятся ее слова в протоколе. 18 июля девушке предъявили обвинение, в настоящее время ее дело передано в суд.

В разговоре с «Медиазоной» правая активистка пояснила свою позицию. «Если я кого-то оскорбила — вызывайте меня в гражданский суд, пусть сотрудник полиции придет, которого я оскорбила. Какой тут состав преступления — возбуждение ненависти? Чем и кому слова "*****" [глупый, бестолковый человек, ничтожество], "лоботряс" и "бездельник"... До маразма дошло. Возбуждение ненависти? Нет, естественно», — рассуждает она.

Изначально делом занялась следователь Копрова, но в начале мая для расследования создали следственную группу из восьми человек, которую возглавил старший следователь Иван Лялицкий. С Гариной взяли подписку о невыезде, следователи получили доступ к личной переписке девушки «ВКонтакте».

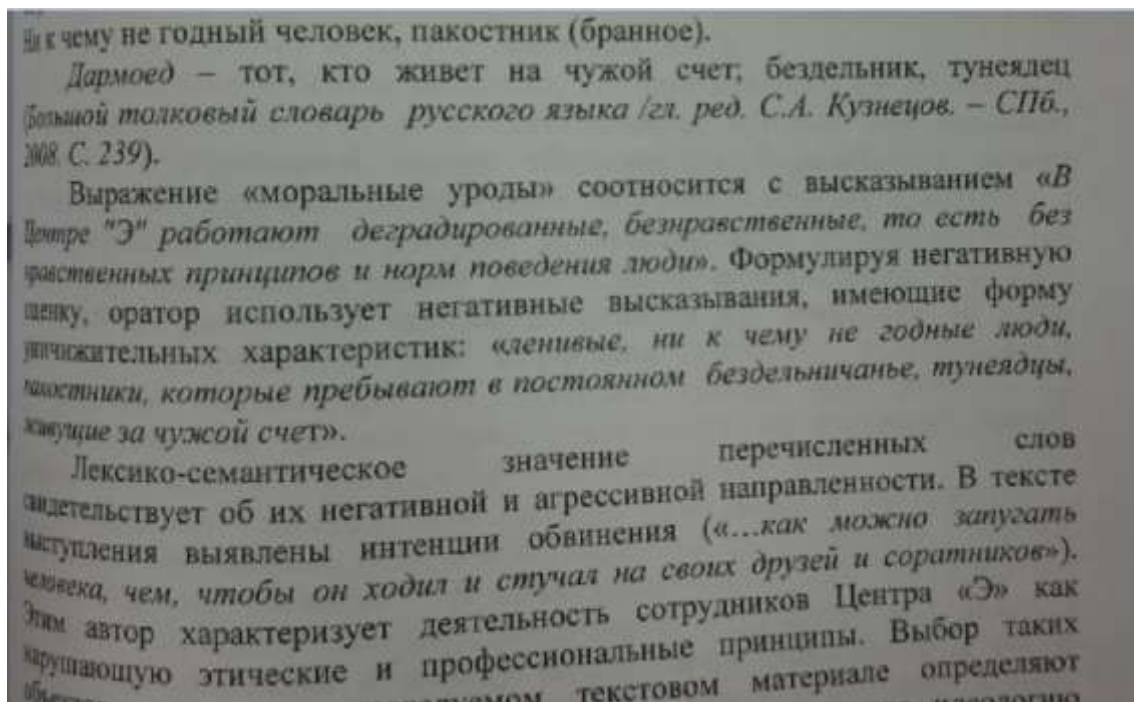
Одна из претензий активистки к следствию — даты допросов. В ходатайстве о согласовании графика следственных действий Гарина указывает, что работает водителем троллейбуса по графику 4/2 и из-за частых допросов лишилась большей части зарплаты. Отсутствие ее троллейбуса на маршруте ограничивает доступ петербуржцев к общественному транспорту, пишет она.

«С учетом того, что подавляющее большинство из пользующихся общественным транспортом относится к льготным категориям граждан, это естественным образом ведет к саботажу и воспрепятствованию реализации Федеральных государственных программ, целью которых является как раз предоставление льгот определенным категориям населения», — заключала Гарина. Следователь Лялицкий ее ходатайство не удовлетворил.

К июню 2016-го специалисты подготовили комплексную комиссионную социо-психолого-лингвистическую экспертизу, которую адвокат Черкасов признает «полновесной, отвечающей всем требованиям при ее назначении и проведении». Это единственная экспертиза, проведенная

в рамках уголовного дела, а не доследственной проверки, подчеркивает защитник; из всех речей, звучавших на митинге против репрессий, исследовали на этот раз только одну — Гариной.

Эксперты приходят к выводу, что высказывание Гариной о сотрудниках Центра «Э» «содержит негативные оценки, умаляет их человеческое достоинство», а «в сознание присутствующих на митинге внедряется мысль о вредности и неприемлемости деятельности этой профессиональной группы».

Фрагмент экспертизы. Фото: материалы дела.

В экспертизе приводятся словарные значения слов «урод», «бездельник», «дармоед», «полукровка», «отброс»; в интерпретации специалистов речь Гариной перед соратниками звучала так: «В Центре "Э" работают деградированные, безнравственные и ни к чему не годные люди, пакостники, которые пребывают в постоянном бездельничанье».

На оба вопроса, поставленные перед экспертами — имеются ли в речи Гариной высказывания, направленные на унижение достоинства по признаку принадлежности к социальной группе или по национальному признаку — дан утвердительный ответ.

Право на оценку

Защита Гариной исходит из того, что сотрудников Центра «Э» нельзя считать социальной группой. Основная претензия адвокатов к экспертизе — это состав проводившей исследование комиссии: трое ее членов имели ученые степени в области политологии, журналистики, филологии и психологии; адвокат Черкасов полагает, что заключения по вопросам, связанным с определением социальных групп, могут делать лишь социологи.

Защита заказала две экспертизы, которые подготовили доктор социологических наук Владимир Козырьков и кандидат исторических наук, ассоциированный сотрудник Центра независимых социологических исследований, преподаватель Колумбийского университета Дмитрий Дубровский. Оба эксперта пришли к выводу, что ни сотрудники полиции в целом, ни отдельные ее подразделения, к примеру, Центр «Э», не являются социальной группой.

К материалам уголовного дела эти экспертизы, впрочем, не приобщили. Кроме того, Черкасов отмечает, что на стадии предварительного следствия следователь отказывал адвокатам в доступе к материалам, как полагает адвокат — для того, чтобы защитники не могли задать свои вопросы экспертам или заказать альтернативное исследование.

Сомневается защита и в выводах специалистов о возбуждении ненависти к «нерусским»: «Эксперты ссылаются на слова "полукровки", "смешанные", но в экспертизе отсутствует оценка того, что эти слова являются бранными, оскорбительными или унижающими достоинство», — поясняет Черкасов. Юрист считает, что высказывания Гариной необходимо рассматривать в контексте ее непростых отношений с Центром «Э».

«Необходимо оставить за ней право выражать мнение и давать оценку, даже нелицеприятную, представителям государства. Нужно оценивать в этой части — не просто что она пыталась умалить их достоинство только потому, что преимущественно, как она считает, там полукровки работают, а потому что у нее сформировалась оценка их действий, и она негативная. Каждый гражданин имеет право формировать свою оценку деятельности тех или иных структур», — настаивает Черкасов.

«Суть "битвы экспертов"»

С позицией защиты относительно состава экспертной комиссии согласен директор исследующего проблемы ксенофобии Информационно-аналитического центра «Сова» Александр Верховский. При этом, замечает он, «твердо сложилась традиция, закреплённая постановлением Верховного суда, что основная экспертиза [по делам об экстремизме] — лингвистическая или комплексная с участием лингвиста».

«Разумного оправдания этой практике я не вижу: по смыслу использования экспертизы в уголовном процессе привлекаться должен эксперт с познаниями именно в том вопросе, ради которого он привлекается. Поэтому, кстати, в законе нет и требования определенных ученых степеней: ведь такими знаниями может обладать человек и без степени, а "остепенного" эксперта в узком вопросе может и не быть», — размышляет Верховский.

Руководитель «Совы» обращает внимание на разницу в вопросах, которые ставились перед экспертами следствием и защитой. Если защита спрашивает у социологов, являются ли сотрудники правоохранительных органов или конкретного подразделения социальной группой, то следствие задает «два вопроса, и оба правовые — в них прямо использованы формулировки статьи 282 УК».

«Этого делать ни в коем случае нельзя, так как правовые вопросы решают только следствие и суд, а эксперты предоставляют знание именно в иных сферах, в соответствии со своей квалификацией. Увы, такая практика — пусть не всегда так в лоб — является доминирующей, и это не становится основанием для пересмотра приговоров», — подчеркивает он.

«Суть "битвы экспертов" в том, что судебное решение основывается целиком или в значительной степени на том, что судья не может без специального экспертного знания определить, были ли событие и состав преступления. Прямо скажем, в большинстве случаев это — иллюзия или сознательное делегирование судебной власти экспертам (желательно проверенным, конечно), так как все-то судья и сам может понять. Конечно, есть особые вопросы. Один из них — кого считать социальной группой в смысле, используемом в статье 282 УК и в антиэкстремистском законодательстве вообще. Надо думать, этот вопрос должен бы быть решен в общем виде Верховным судом. Но ВС пока еще в 2011 году внес одно ограничение — [счел](#), что критика в адрес политических деятелей, видимо, включая высоких чиновников, не должна приравниваться к возбуждению ненависти к ним. Понятно, на полицию или армию это суждение не

распространяется, и все же после того постановления ВС несколько лет о ненависти против полиции или армии [дел] не заводили. Коли ясности нет, судья делегирует этот вопрос экспертам», — объясняет Верховский.

В социологии, продолжает директор центра “Сова”, нет общепринятого понятия социальной группы, и это «позволяет разным экспертам выбирать то определение, которые им милее, а прямо говоря — соответствует их задаче, которая, в свою очередь, соответствует целям обвинения или защиты».

«Вне задач обвинения или защиты не имеет смысла анализировать построения экспертов в части определения социальной группы. Честно говоря, рассуждения экспертов в этом деле с обеих сторон лишь укрепляют меня в этом мнении. Собственно говоря, поэтому я всегда был против самого присутствия столь неопределенного понятия [социальной группы] в уголовном законе и в определении экстремизма. Впрочем, идея считать социальной группой сотрудников определенных подразделений какого-то ведомства, будь то сотрудники Центров "Э" или ответственные за озеленение в муниципалитетах, мне представляется противоречащей любым распространенным социологическим подходам», — заключает исследователь.

<https://zona.media/article/2016/16/12/garina>